

Ван Дачжуан покачал головой и сказал:

— Сяньцзюнь, ты сам говорил, что, родившись человеком, невозможно избежать семи чувств и семи страданий. Если отрезать корень чувств, человек станет неполноценным. Без любви, без желаний — в чём тогда смысл долгой жизни? Я не хочу практиковаться только ради бессмертия. Я хочу лишь прожить побольше счастливых дней рядом с тобой.

Юй Чанцин смотрел на него глубоким взглядом, долго молчал, а затем слегка кивнул. Сделав шаг вперёд, он поднял руку и лёгким движением белоснежного пальца коснулся ледяной жемчужины на лбу Ван Дачжуана.

— Дачжуан, больше не называй себя глупым, — тихо сказал он. — Ты понимаешь этот мир куда лучше, чем большинство людей... Я... не могу сравниться с тобой.

Ван Дачжуан улыбнулся.

— Сяньцзюнь, что за глупости ты говоришь? Ты во всём превосходишь меня, как я могу быть умнее тебя? Ты самый лучший!

Губы Юй Чанцина тронула лёгкая улыбка, уголки глаз изящно приподнялись, он выглядел очень довольным. Весь его облик словно засиял, ослепляя Ван Дачжуана.

Ван Дачжуан замер, глядя в его глаза, и надолго потерял дар речи. Он пришёл в себя только тогда, когда Юй Чанцин снова стал серьёзен и мягким голосом спросил:

— Ты не чувствуешь голода? Хочешь перекусить духовными фруктами?

Ван Дачжуан внезапно очнулся, его лицо вспыхнуло румянцем. Осмыслив слова Сяньцзюня, он только теперь ощутил пустоту в желудке.

— Действительно... — пробормотал он. — Сяньцзюнь, ты же говорил, что пилюля, которую ты мне дал, позволит мне не чувствовать голода целый месяц. Почему же прошло всего несколько дней, а я уже голоден? Она испортилась?

Юй Чанцин тихо рассмеялся, взял его за запястье и, развернувшись, повёл его наружу.

— Как только ты ощутил поток ци и впустил его в себя, тебя постигло просветление. Это крайне редкое явление, оно говорит о твоём выдающемся таланте. С того момента, как ты вошёл в состояние медитации, прошёл уже целый месяц. Если бы ты не очнулся сейчас, твоё тело могло бы не выдержать.

Ван Дачжуан широко распахнул глаза.

— Как так?! Мне казалось, что я просто поспал!

Юй Чанцин взмахом руки снял защитные барьеры и, услышав это, вновь улыбнулся.

— Впервые слышу, чтобы кто-то называл просветление сном. Но, впрочем, у каждого свой путь, и нет смысла ограничивать себя рамками.

— Так я правда спал целый месяц?

Юй Чанцин кивнул и привёл его в главный зал. Он поднял руку, и на столе появилось блюдо с хрустальными фруктами.

— Я знаю, что ты не любишь пилюли, так что сначала поешь фруктов, а потом приготовим что-нибудь.

Ван Дачжуан кивнул, схватил фрукт и с улыбкой сказал:

— Приятно снова почувствовать голод, я уже успел по нему соскучиться.

Юй Чанцин не понимал, что в этом можно находить приятного, поэтому промолчал, просто наблюдая за тем, как тот ест.

Ван Дачжуан откусил большой кусок, но вдруг что-то вспомнил, поспешно прожевал и проглотил его.

— Сяньцзюнь, я спал целый месяц, а ты... почему ты оказался рядом, как только я открыл глаза? — он с подозрением прищурился. — Ты что, всё это время был рядом?

— Да, — кивнул Юй Чанцин.

Ван Дачжуан тут же схватил его за запястье.

— Ты что, совсем не думаешь о себе? Я спал, а ты зачем сидел рядом? Это же целый месяц! Ты был совсем один, не разговаривал ни с кем... Тебе не было скучно?

Юй Чанцин не стал вырываться и спокойно ответил:

— Просветление — это редкая возможность для культиватора, которую нельзя упускать. Ничто не должно тебя потревожить, поэтому я должен был защищать тебя.

Ван Дачжуан был тронут. Он отложил фрукт и крепко сжал руку Сяньцзюня.

— Сяньцзюнь, ты так добр ко мне... Помнишь, когда мы ещё были в деревне, ты съел маленький красный плод и отправился на медитацию, а я охранял тебя. Тогда прошло всего несколько дней, но мне казалось, что это целая вечность. А теперь я проспал целый месяц... Ты был один всё это время... Сяньцзюнь, почему ты так добр ко мне?

Юй Чанцин опустил глаза и взглянул на свои пальцы, запачканные липким соком фрукта, и слегка сжал пальцы Ван Дачжуана.

— Ты тогда был обычным человеком, и тебе было тяжело сидеть без движения несколько дней. Я же культиватор, мне легко сохранять спокойствие.

Ван Дачжуан покачал головой.

— Культиваторы — тоже люди. Долго сидеть без движения — в любом случае не самое приятное занятие. Сяньцзюнь, ты хоть и выглядишь холодным, но сердце у тебя горячее. Ты самый лучший человек в этом мире.

Юй Чанцин: «...»

Как же ему объяснить Ван Дачжуану, что он холоден не только снаружи, но и внутри, и вовсе не является хорошим человеком?

После того как Ван Дачжуан успокоился, он съел ещё два фрукта, а затем поспешил на свою кухню готовить. Ведь Сяньцзюнь пробыл с ним целый месяц, и он решил приложить все усилия, чтобы приготовить для него настоящий пир в знак благодарности. Сначала он набрал воды, вымыл руки и только после этого принялся за мясо и овощи.

Ничего не поделаешь, мякоть хрустальных фруктов была нежной, кожура тонкой, а вкус — освежающе сладким, только вот сок из них лился рекой, стоило лишь откусить кусочек, и руки тут же становились липкими.

Пока Ван Дачжуан готовил, Юй Чанцин принимал в своём жилище старшего брата.

Месяц назад пик Цинъюй внезапно накрыло защитным барьером, и это встревожило всю секту. Все стали с интересом следить за тем, что происходит на пике. Хотя Юй Чанцин уже достиг поздней стадии Очищения Пустоты, до следующего прорыва ему было ещё далеко. Раньше он ни разу не упоминал о намерении уйти в уединённую медитацию, и внезапное установление барьера без предупреждения вызвало множество домыслов и беспокойства.

Юй Чанцин был драгоценностью секты Гуйюань, и его действия имели огромное значение для всей секты. Старейшины других пиков уже собрались на главном пике для обсуждения, но

никто не смог выдвинуть правдоподобной причины. Никто не осмеливался беспокоить его, поэтому все просто ждали.

А барьер тем временем оставался нетронутым целый месяц.

Наставник Циньян буквально извёл себя от беспокойства. На пике его младшего брата оставался обычный смертный. Но из-за барьера он не мог даже проверить, что с ним. Внутри не было слышно ни звука, так что оставалось только гадать, каково тому человеку там. А если с ним что-то случилось? Младший брат явно уже пал жертвой привязанности(?), и если с этим человеком что-то произойдёт, это нанесёт серьёзный удар по его душевному состоянию! Как тут не волноваться?

Когда барьер наконец был снят, он сразу же полетел на мече к пику Цинъюй. Первое, что он увидел, был Почтенный Ханьян, спокойно пьющий чай.

Циньян-чжэньжэнь с ног до головы окинул его внимательным взглядом. Всё было в порядке: дыхание ровное, эмоции тоже стабильные — значит, ничего плохого не произошло. Он с облегчением вздохнул, огляделся по сторонам, но так и не увидел господина Цзися.

— Младший брат, а где господин Цзися? — не удержавшись, спросил он.

Юй Чанцин, услышав, что первый вопрос брата был о Ван Дачжуане, насторожился:

— Зачем он тебе?

Циньян-чжэньжэнь тяжело вздохнул.

— С тех пор как ты вернулся, ты буквально не отходил от него. А теперь ты вдруг один, разве я не могу поинтересоваться?

Только после этого Юй Чанцин наконец перевернул ещё одну чашку, налил в неё чаю и с мягкой улыбкой придвинул старшему брату.

— Он готовит еду.

Циньян-чжэньжэнь: «...»

Они были братьями сотни лет, и его младший брат никогда не говорил с ним так мягко! Внезапно он почувствовал зависть.

Но что ему остаётся делать? Разве он не его младший брат?

Подавив чувство зависти, он сел и спросил:

— Ты внезапно закрыл пик. Что-то случилось?

— Ничего серьёзного. Просто Да... Цзися внезапно постигло просветление, когда он впускал ци в тело. Я боялся, что его потревожат, поэтому установил барьер.

Циньян-чжэньжэнь: «...»

<http://bllate.org/book/12569/1117952>